

Для лучшего понимания смысла предлагаемой канцоны надлежит в начале предпринятого ее толкования разделить ее на две части; в первой ведется вступительная речь, а во второй следует само рассуждение; вторая же часть начинается с начала второй строфы, там, где сказано: «Того, кто правил царством, знаю мнение...» Первая часть в свою очередь может распасться на три раздела: в первом говорится, почему я воздерживаюсь от привычной для меня речи; во втором я называю то, о чем я намереваюсь рассуждать; в третьем я прошу помощи у той, кто больше всего мне может помочь, а именно у Истины. Второй раздел начинается со слов: «Настало время путь избрать иной». Третий – «Призвав Амора, песню я сложил».

Итак, я говорю, что я должен отказаться от сладостных любовных стихов, которые мысли мои обычно подбирали, и привожу тому причину, объясняя, что дело не в решении больше не сочинять любовных стихов, а в том, что в госпоже моей проявились новые черты, которые лишили меня повода говорить в настоящее время о любви. При этом следует помнить, что если здесь и говорится, что поступки этой госпожи строги и жестоки, то лишь потому, что они кажутся таковыми, а в десятой главе предыдущего трактата можно заметить, что я иной раз утверждаю, что видимость расходится с действительностью. И каким образом одна и та же вещь бывает сладкой и в то же время кажется горькой или, будучи светлой, представляется темной, можно с достаточной ясностью усмотреть из указанного места.

Далее, когда я говорю: «Настало время путь избрать иной», я, как уже было отмечено, называю то, о чем я намереваюсь рассуждать. И здесь нельзя перескочить, не остановившись на нем, через смысл выражения «время путь избрать иной», ибо тому есть глубочайшая причина; но следует иметь в виду, насколько разумно учитывать это время во всех наших действиях, и в особенности в словах, нами произносимых. Время, согласно тому, что говорит Аристотель в четвертой книге «Физики», есть «мера движения, зависящая от того, что было раньше и что будет потом», а также «мера небесного движения»; мера эта по-разному предрасполагает земные вещи к восприятию той или иной формы. Одно дело земля в начале весны, готовая к приему в себя формы трав и цветов, другое – зимой; различные времена года по-разному предрасположены к приему семени; так же точно и для нашего ума, который зиждется на сложном сочетании телесных элементов, одно время иначе предрасположено к тому, чтобы следовать за небесным круговращением, чем другое. Поэтому и слова, которые суть как бы семена действий, должны весьма осмотрительно удерживаться и выпускаться, дабы они были хорошо восприняты и дали плоды. Поэтому время надлежит предусматривать как говорящему, так и тому, кто должен слушать: в самом деле, если первый высказывается, будучи далеко не расположен к тому, то слова его по большей части приносят вред, а если слушающий далеко не расположен к восприятию, то слова воспринимаются плохо, как бы хороши они ни были. Недаром Соломон говорит в Екклесиасте: «Время молчать и время говорить». Почему и я, чувствуя, по причине, указанной в предыдущей главе, что не расположен к тому, чтобы говорить об Аморе, решил дожидаться того времени, которое несет с собой исполнение всякого желанья и которое, подобно даятелю, одаривает всех, кто умеет ждать. Не случайно святой апостол Иаков и говорит в своем послании: «Вот земледелец ждет драгоценного плода от земли и для него терпит долго, пока получит дождь ранний и поздний». И все наши пререкания, если мы будем должным образом доискиваться их причин, происходят так или иначе от неумения пользоваться временем.

Я говорю: так как мне кажется, что, начав иной путь, я оставлю свой «сладостный стиль», то есть лад, которого я придерживался, когда говорил об Аморе, и поведаю о том достоинстве, благодаря которому человек по-настоящему благороден. А так как достоинство можно понимать по-разному, здесь оно выступает как сила природы или даруемое природою истинное достоинство, как это будет видно из дальнейшего. И я обещаю рассуждать об этом предмете при помощи рифм изысканных и суровых. Ведь надо иметь в виду, что рифму можно рассматривать двояко, а именно в широком и узком смысле: в узком смысле под рифмой разумеется собственно та согласованность, которой обычно добиваются между стихами в последнем и предпоследнем их слогах; в то время как в широком смысле – вообще всякая речь, упорядоченная количеством и длительностью, которая подчинена рифмованным созвучиям, и так ее здесь, в этом вступлении, и следует принимать и понимать. А названы они «суровыми» по отношению к произносимому звуку, которому для такого предмета не пристало быть мягким; и названы они «изысканными» по отношению к смыслу слов, следующих друг за другом в изощренных доказательствах и диспутах. Далее я добавляю: «Богатство – благородства не причина, /А подлая личина», в чем за-